

УДК 316.722
ББК 60.5

С.А. ДАВЫДОВ

ЗАРОЖДЕНИЕ МОБИЛИЗАЦИОННОГО ИМПЕРАТИВА В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА: ГИПОТЕЗА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ДАВЛЕНИЯ

В VIII—VI тысячелетиях до н. э. вмещающий ландшафт будущего Древнего Египта принял потоки мигрантов из окружающих регионов. Проблема дефицита ресурсов могла быть решена только в результате формирования плановой экономики и мобилизационного императива в хозяйственной культуре. Протоегиптяне в ходе неолитической революции создали новый тип социальной солидарности, основанный на императиве исполнения служебного долга, предполагавший перераспределение ответственности за принятие хозяйственных решений от домохозяйств в пользу менеджеральной аристократии и требовавший широкого распространения практик обязательного участия в общественных работах всех слоев населения. Эта социальная инновация обеспечила создание структурных, культурных и институциональных условий для роста эффективности хозяйства протоегиптян, обеспечив ускоренное разделение труда, существенное повышение его интенсивности и производительности. *Ключевые слова:* неолитическая революция, Древний Египет, демографическая нагрузка, миграция, производительность труда, разделение труда, вертикальная интеграция общества, хозяйственная культура.

Мобилизационный императив хозяйственной культуры Древнего Египта представляет собой явление во многом уникальное. В нем удивительным образом сочетались преимущественно служебный характер социального действия египтян и развитая система защиты их индивидуальных прав, многоуровневость служебной пирамиды, обеспечивающей трудовой контроль, и ее способность открывать каналы вертикальной циркуля-

VIII

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

ции, суровая регламентация жизни и являвшийся недостижимым образцом для иностранцев-современников гуманизм социально-трудовых практик. Эти на первый взгляд неожиданные комбинации исторических инвариантов культуры древнеегипетского общества не нарушали комплементарности его культурных норм и целостности его институциональной матрицы, благодаря чему на протяжении нескольких тысячелетий Древний Египет оставался олицетворением развития и стабильности. И оттого кажется легко объяснимой та настойчивость, с которой современные исследователи пытаются разгадать тайну возникновения мобилизационного императива хозяйственных практик Древнего Египта, равно как и причины его необыкновенной живучести.

В современной культурологии и социологии широко распространена точка зрения, согласно которой мобилизационная культура на берегах Нила сформировались под решающим влиянием перехода древнеегипетского общества к ирригационному земледелию. Эта точка зрения восходит, наверное, к Карлу Марксу, писавшему о существовании особого «азиатского» способа производства [1, с. 710], но в завершённом виде нашла свое выражение в трудах Карла Августа Виттфогеля.

Автор гидравлической теории исходил из того, что на ранних этапах цивилизации для успешного ведения земледельческого хозяйства было необходимо одновременное сочетание нескольких условий: наличие пригодных для земледелия растений и плодородной почвы, благоприятный климат и способствующий проведению земледельческих работ рельеф местности. На эти факторы человек в пору своей юности не мог оказывать «компенсирующего воздействия». Зато он был способен влиять на главный фактор, делающий земледелие возможным, — мог регулировать подачу к полям достаточного количества воды [2, р. 11, 13].

Виттфогель полагал, что на завершающих стадиях неолита в поймах великих рек образовывались такие природно-климатические и биосферные условия, специфическая комбинация которых открывала путь для перехода населения от присваивающего способа ведения хозяйства к ирригационному земледелию. Но последнее предполагало проведение сложного комплекса работ, связанных с рытьем и чисткой каналов, сооружением и поддержанием в рабочем состоянии водохранилищ, дамб и дренажных систем, строительством дорог и мест хранения инвентаря и запаса.

Осуществление всего этого комплекса действий требовало формирования вертикально интегрированного общества, в котором труд основной массы населения организовывался и координировался особой группой функционеров, обладавших необходимыми знаниями и средствами социального контроля и принуждения.

Виттфогель, конечно, видел, что на практике «многие примитивные народы, которые пережили годы и целые эпохи голода без решительного перехода к земледелию, демонстрировали непреходящую привлекательность нематериальных ценностей в тех условиях, когда материальное

благополучие может быть достигнуто лишь ценой политического, экономического и культурного подчинения» [2, р. 17]. Однако ученый полагал, что если ранние общества такой «решительный переход» все же делали, то ценой создания ирригационной экономики неизбежно становилось порабощение основной части населения теми, «кто контролирует эту систему, обладает уникальными возможностями для достижения высшей политической власти» [2, р. 27]. В результате верхушке «менеджерального» общества повсеместно удавалось создать институциональные условия, обеспечивавшие незыблемость ее политической власти, и сформировать мобилизационный императив духовной культуры «гидравлического» общества.

Эту универсальную логику Виттфогель и его последователи применяли и по отношению к процессу формирования хозяйственной культуры Древнего Египта, объявляя ее порождением деспотизма правителей, подчинивших своей административной и идеологической власти широкие массы социальных низов [3]. Отдавая дань уважения пионерам, проложившим путь к осмыслению причин возникновения мобилизационного императива древнеегипетской хозяйственной культуры, заметим, что с высоты научных знаний XXI века предложенные ими аргументы уже не выглядят безупречными.

Прежде всего отметим, что большинство современных антропологов соглашаются с утверждением Виттфогеля о необходимости значительных трудозатрат, связанных с осуществлением подготовительных мероприятий, полагая его справедливым по отношению как к заболоченной, так и к засушливой территории [4, р. 145]. Большинство исследователей также находят эмпирические подтверждения важности внешней координации обособленных домохозяйств при проведении ими ирригационных работ. Звучат даже указания на существование связи между степенью централизации государственной власти и уровнем развития ирригации в конкретных областях [5].

В то же время ряд исследователей все же ставит под сомнение адекватность индуктивных выводов Виттфогеля о том, что рост масштабов ирригационного земледелия имеет прямую связь с ростом бюрократии и усилением деспотизма в сфере труда.

Например, Дункан Сайер считает, что создание «гидравлической» экономики совсем не обязательно должно приводить к возникновению «гидравлического» государства. Подробные обоснования этому утверждению он приводит в статье «Средневековые водные пути и гидротехническая экономика: монастыри, города и низины восточной Англии» [4]. Согласно данным, полученным ее автором, средневековая восточная Англия вела «гидравлическое» хозяйство, в то время как, согласно воззрениям самого Виттфогеля, она не подпадала под категорию «гидравлического» государства. В то же время Бонг Канг доказывает на примере ранних централизованных государств Кореи, что вертикальная стратификация общества и подчинение большинства меньшинству могут возникнуть и вне связи с необходимостью проведения ирригационных работ. В статье «Строительство масштабных

водохранилищ и политическая централизация: изучение проблемы на примере древней Кореи» автор доказывает, что процесс политической централизации в корейском королевстве Силла начался задолго до начала проведения масштабных ирригационных работ, а административные центры большинства корейских государств находились далеко от ирригационных систем, чего, согласно логике Виттфогеля, не должно было наблюдаться [6].

К выводам об отсутствии прямой связи между наличием ирригационной экономики и деспотизмом центральной власти приходят антропологи и историки, исследовавшие гидравлические хозяйства, сложившиеся на всем протяжении между крайним Западом и дальним Востоком Евразии. Более того, в результате проведения многочисленных исследований выяснилось, что при создании ирригационных систем во многих случаях не были нужны ни централизация власти, ни вертикальная дифференциация общества, а сами ирригационные системы зачастую создавались отнюдь не в результате плана, а стихийным образом.

Например, антропологи, изучавшие ирригационную экономику ряда восточноафриканских племен, обнаружили, что она была довольно эффективна и без мобилизующих усилий централизованного государства. Функция координации усилий архаичных обществ по созданию и поддержанию в рабочем состоянии ирригационных сооружений вполне успешно выполнялась советом старейшин и общим собранием всех мужчин [7, р. 17—22].

Способность создавать ирригационные системы путем самоорганизации демонстрировалась в древности и населением Средней Азии. Например, в долине Зеравшана общинам удалось сформировать систему взаимосвязанных локальных ирригационных сетей, орошавших территорию общей площадью более тысячи квадратных километров [8, р. 78]. Интересно отметить, что границы возникших в Средневековье среднеазиатских феодальных государств, так же как и в Корею, не совпадали с границами созданных общинами ирригационных систем, что является дополнительным аргументом в пользу не «гидравлической» природы деспотий Центральной Азии [8, р. 79].

Попытку обнаружить связь между ирригацией и концентрацией власти в ходе кросс-культурного исследования предприняла Сюзанна Лиис. В статье «Ирригация и общество» она представила многочисленные эмпирические данные об ирригационной экономике, созданной людьми в разных частях света и в разное время. Однако в результате проведенного исследования наличие такой связи не нашло убедительных подтверждений. Напротив, большое количество антропологических данных могло бы свидетельствовать о противоположном: контроль над гидравлическими сооружениями оказывается эффективным лишь в случае, если он осуществляется на локальном уровне. Усиление же центральной бюрократии, по общему правилу, не только не способствует эффективности ирригационного хозяйства, но и препятствует его развитию [9, р. 364].

Таким образом, данные и выводы современных социологов, культурологов и антропологов способны по-

ставить под сомнение основополагающие утверждения Виттфогеля как о невозможности эффективного ведения ирригационного земледелия без концентрации политической власти, так и о неизбежности возникновения централизованного «деспотического» государства в связи с переходом к гидравлической экономике. Это ослабляет эвристическую ценность и ставит под сомнение полноту виттфогелевского объяснения причин возникновения принуждения к труду на берегах Нила, побуждая исследователя к поиску тех обстоятельств возникновения этого феномена, на которые автор гидравлической теории не обратил внимания.

В попытке обнаружить их присмотримся повнимательнее к особенностям природно-климатических, демографических и социально-экономических процессов, протекавших в Северной Африке и на Ближнем Востоке в эпоху неолита.

Прежде всего заметим, что цивилизация Древнего Египта на деле оказывается не такой уж и древней, как это было принято считать до недавнего времени. Напротив, беспристрастный анализ геологических и археологических данных позволяет заключить, что Египет относительно поздно вступил на путь цивилизованного развития, а победа египтян в гонке с другими ближневосточными обществами за создание централизованного государства объясняется лишь невероятной стремительностью, с которой им удалось перейти к производящему хозяйству и пройти фазу государственного строительства. Интересно заметить, что как длительное отставание протоегиптян в развитии, так и их ошеломительная победа в цивилизационном соревновании с соседями, по-видимому, имеет одну и ту же причину — климатические явления, происходившие на севере неолитической Африки и вызванные ими демографические процессы.

Действительно, природно-демографические условия, сложившиеся на принильских территориях, долгое время не способствовали освоению их обитателями производственной деятельности. Более того, около 10 000 лет назад по завершении фазы катастрофических наводнений [10, р. 253—280] в долине Нила не был зафиксирован рост численности населения. Археологи даже отмечают тенденцию депопуляции. Это явление объясняется особенностями изменения климата в регионе.

Как известно, с XVIII по X тысячелетие до н. э. Передняя Азия и Аравийский полуостров были покрыты цветущими садами и саваннами. Дельта Нила, напротив, была совершенно непригодна для ведения производящего хозяйства. Река не оставляла плодородный ил в пойме и дельте, а смывала его в море, где этот необходимый для земледелия ресурс рассеивался течениями [11, р. 628—634]. Песчаная равнина, которую представляли собой берега Нила, могла быть вмещающим ландшафтом разве что для рыбной ловли, но никак не для систематического ведения сельского хозяйства. Принимая во внимание это обстоятельство, не стоит удивляться тому, что современная наука до сих пор не зафиксировала факта существования постоянных поселений на берегах реки

возрастом 12000—8000 лет, за исключением местности, расположенной у второго порога Нила [12, р. 171—199]. Те же поселения, которые были обнаружены, большей частью представляли собой лишь временные стоянки охотников и рыболовов [13, р. 219—223].

Спустя три тысячи лет на смену временным стоянкам приходят сезонные поселения, но характер деятельности обитавших в них людей практически не претерпел изменений: берега Нила по-прежнему осваивались преимущественно рыболовами. Например, в результате раскопок поселения возрастом около 8000 лет в районе аль-Кабе было установлено, что оно также не было постоянным. Люди обитали в нем, скорее всего, с июля по ноябрь и занимались рыболовством на затопленной разливом пойме [14, с. 81].

Подобная демографическая ситуация на берегах реки объясняется тем, что раннеголоценовое потепление и увлажнение климата Африки, произошедшее около 8000 лет назад, делало песчаные берега Нила с их редкой растительностью куда менее привлекательным местом для жизни и ведения хозяйства в сравнении с Сахарой и Сахелем, изобиловавшими флорой и фауной.

О том, что север Африки некогда представлял собой благодатный край, свидетельствуют найденные в современной пустынной местности многочисленные кости животных, а также наскальные рисунки со сценами охоты [15, р. 609—635]. Некоторые артефакты будто бы свидетельствуют в пользу того, что население, обитавшее около 8000 лет назад на территории современных пустынь западного Египта, Ливии и Судана, не только занималось охотой, но и начало осваивать элементы присваивающее-производящей модели хозяйства. Так, некоторые исследователи усматривают в наскальных рисунках того периода образы пастухов, сопровождающих свои стада, а также рассматривают возможность того, что найденные в пустыне россыпи камней с проделанными отверстиями могли применяться жителями Сахары в качестве «якорей» для домашних животных [16]. Ряд специалистов высказывается в пользу того, что одомашнивание крупного рогатого скота могло здесь произойти уже за 7500—7000 лет до н. э. [17].

О более высоком уровне развития хозяйства Сахары и Сахеля говорят и результаты радиоуглеродного анализа предметов быта, найденных на этих территориях. Например, в Сахаре были обнаружены многочисленные предметы, соответствующие уровню развития неолита — каменные зернотерки и наконечники для стрел [18], разнообразие керамические изделия возрастом примерно 9800 — 9200 лет [19, р. 534—543].

Все это позволяет заключить, что «избыток пищи, образовавшийся в пустынях Северо-Восточной Африки с превращением их по окончании ледниковой эпохи в цветущие саванны, обусловил устойчивое предпочтение обитателями раннеголоценового Египта охоты и собирательства в Сахаре трудоемкому освоению неприветливой малоплодородной долины Нила» [14, с. 84].

Суровые условия, наблюдавшиеся за 12000 — 8000 лет до н. э. на территории будущего Египта, не только были причиной ее депопуляции, но и имели другое нега-

тивное следствие. Похоже, дефицит ресурсов порождал здесь многочисленные и ожесточенные столкновения людей в борьбе за выживание [20, р. 954—995], что еще более ограничивало их возможности в социально-экономическом и культурном развитии. О том, что такие столкновения в действительности могли иметь место, говорят археологические находки. Например, более 40 % из 59 костных останков, найденных в могильнике Джебель Сахаба в районе Вади Хальфа, организованном примерно за 10 000 лет до н. э., содержат признаки насильственной смерти. Мужские, женские и детские скелеты имели следы ударов каменными орудиями, их черепа были проломлены, конечности имели многочисленные механические повреждения [21, р. 954—995].

Однако в период 10 000 — 5500 лет до н. э. на фоне «большого увлажнения раннего голоцена» [22] климат в Северной Африке начал меняться. Для Египта эти изменения оказались благоприятными. В это время становится более стабильным сток воды из озер Виктория и Альберт в реку, в результате чего амплитуда колебаний ее уровня существенно снизилась, а русло стало более стабильным. Это создало предпосылки формирования в русле и дельте Нила илистых отложений, необходимых для формирования плодородного почвенного покрова [23, р. 270—271], необходимого для ведения сельского хозяйства. Не случайно именно этим временем датируются первые находки, свидетельствующие о разведении зерновых и бобовых культур [25], а климатические изменения, оказавшиеся благоприятными для территорий будущего Египта, сулили мало хорошего людям, населявшим Сахару, Сахель, Ближний Восток и Аравийский полуостров. Например, произошедшее около 8000 лет назад иссушение на фоне похолодания вызвало коллапс культуры PPNB¹ в Палестине и на Синайском полуострове, существенное снижение хозяйственной и культурной активности на территориях современной Ливийской пустыни и Судана. «Иссушение среднего голоцена» своей высшей точки в Северной Африке достигло приблизительно за 5500 лет до н. э. [25, р. 129—149]. Баланс обеспеченности человека ресурсами сместился в сторону приливных территорий. Естественным следствием стал отток населения прежде всего из пустыни к западу от Египта [26], и приток на берега Нила, территории, которые испытали на себе резкое уплотнение человеческой массы. В свою очередь миграционные процессы, приобретшие на территории Северной Африки в конце V — начале IV тысячелетия до н. э. массовый характер, не могли не сказаться на особенностях становления производящей культуры на территориях, ставших впоследствии вмещающим ландшафтом для египетского государства.

Так, при увеличении демографической нагрузки в дельте и пойме Нила, вероятно, стало проявляться правило, согласно которому «чем больше относительное число потребителей, тем больше каждый производитель

¹ Докерамический неолит Б (Pre-Pottery Neolithic B, PPNB) — ранне-неолитическая культура Леванта докерамического периода, 9—7 тысячелетия до н. э.

(в среднем) должен работать, чтобы обеспечить приемлемый конечный продукт на душу в домохозяйстве в целом» [27, с. 97—100]. Иными словами, в рассматриваемый период времени территории вокруг Реки поразили социально-экологический кризис [28], связанный с падением обеспеченности населения жизненными ресурсами.

Следует иметь в виду, что ни экономическая теория, ни социология не утверждают, что увеличение демографической нагрузки на территорию обязательно должно приводить к падению жизнеобеспеченности людей. Напротив, их обеспеченность ресурсами может даже повышаться — но при условии опережающего роста производительности труда. Определены сегодня и два основных пути решения этой задачи. К ним относятся развитие средств производства и разделение труда.

Первый из них связан с совершенствованием орудий труда, открытием новых материалов, новых технологий их обработки и способов присвоения ресурсов. Но у нас нет оснований думать, что в процессе перехода к производящему хозяйству протоегиптяне имели возможность встать на этот путь. Уровень производительных сил обитателей берегов Нила был в ту пору невысоким, и оттого не мог обеспечить скачка «производящих» технологий. Например, если историки располагают данными о постоянном совершенствовании технологий индивидуального труда собирателя и охотника на берегах Реки, то у них нет свидетельств о том, что аналогичными темпами совершенствовались технологии ведения протоегиптянами коллективного производящего труда. В частности, известно, что в VI тысячелетии до н. э. в пойме Нила наблюдалось постоянное усовершенствование способов и средств рыбной ловли [22], в то время как не было зафиксировано видимых изменений средств труда, которые могли использоваться людьми при ведении сельского хозяйства и животноводства. Показательно в связи с этим отсутствие в культуре Буто-Маади, относящейся к IV тысячелетию до н. э. и непосредственно предшествовавшей возникновению государства в Египте, признаков использования в хозяйственной деятельности серпа [29].

Рост производительности труда протоегиптян на основе развития средств производства не могли обеспечить и технологии, которыми располагали их соседи. Например, культура раннего Хартума, созданная на пойменных территориях долин в слиянии Голубого и Белого Нила [30, р. 281—362], которая, по мнению ряда исследователей, и является предтечей неолита на Ниле, также не была еще в полной мере «производящей». Населявшие эти земли люди, по всей видимости, вели полуседлый образ жизни, размещая свои сезонные стоянки на пойменных землях в сезон между разливами реки. При этом на территории поселений не было найдено очагов, обнаруженные строения не имели опор из столбов, не было также обнаружено достоверных доказательств разведения домашних животных и культивирования растений. Археологические данные свидетельствуют о том, что основным видом хозяйственной деятельности хартумцев была охота на речных животных и рыболовство при помощи костяного

гарпуна с зазубринами, а также сети и лука со стрелами [31, р. 145—166]. Тем самым археологические данные не дают оснований считать, что культура берегов Нила и окружающих его территорий имела производящий характер и что свойственные ей средства труда и технологии могли обеспечить рост производительности труда на территории будущего Египта.

Не имея возможности ответить на вызов демографической нагрузки качественным технологическим скачком, протоегиптяне, вероятно, гипотетически могли бы встать на альтернативный путь повышения производительности труда — на путь его глубокого разделения. Действительно, современная экономическая теория и социология исходят из того, что «объединенные усилия более эффективны и производительны, чем изолированная деятельность самодостаточных индивидов» [32, с. 129], и указывают на позитивную функцию разделения труда — вызываемый этим процессом рост производительности. Важно отметить, что предпосылки для инициирования этого процесса на берегах неолитического Нила имелись, поскольку плотность населения и накал борьбы за жизнь на вмещающем ландшафте будущего Древнего Египта росли, а, согласно Эмилю Дюркгейму, «всякое уплотнение социальной массы, особенно если оно сопровождается ростом населения, с необходимостью вызывает прогресс разделения труда» [33, с. 250].

Утверждение классика социологии о зависимости степени социальной дифференциации от плотности населения находит убедительные эмпирические подтверждения в исследованиях современных антропологов. Например, на количественном уровне зависимость эта была выявлена А.В. Коротаевым [34], использовавшим корреляционный анализ данных о социокультурных характеристиках 165 народов разных стран и эпох, описанных Джорджем Питером Мердоком [35]. Но вот только сценарий, по которому процесс профессиональной дифференциации протекал на берегах реки, существенно отличался от того, что был описан в классических работах экономистов и социологов XIX века.

Вспомним, к примеру, как разделение труда в каменном веке представлял себе Адам Смит. Действуя в рамках европейской научной парадигмы и основываясь на знаниях своей эпохи, Смит объявлял разделение труда стихийным самоорганизующимся процессом. В своей монографии он рассуждал так: «Склонность к обмену породила первоначально <...> разделение труда. В охотничьем или пастушеском племени один человек, например, выделяет луки и стрелы с большей быстротой и ловкостью, чем кто-либо другой. Он часто выменивает их у своих соплеменников на скот и дичь; в конце концов, он видит, что может получить таким образом больше скота и дичи, нежели охотой. Соображаясь со своей выгодой, он делает изготовление луков и стрел своим главным занятием и становится, таким образом, своего рода оружейником <...> Таким же путем третий становится кузнецом или медником, четвертый — кожевником или дубильщиком шкур или кож, главных частей одежды дикарей» [36, с. 490].

Подобная картина разделения труда в первобытном племени может сегодня показаться реалистичной только неискушенному читателю. Современный социолог и антрополог скорее посчитают, что описанная классиком модель дифференциации видов хозяйственной деятельности не могла воплотиться на берегах неолитического Нила. Прежде всего потому, что великий британский теоретик, вероятно, основывался на неверных исходных допущениях, наделив первобытных людей чертами, свойственными его современникам: эгоизмом, рационализмом, склонностью к инновациям, независимостью в принятии решений. С позиции современного знания куда более реалистичной выглядит методологическая посылка Карла Маркса, который утверждал, что «чем больше мы углубляемся в историю, тем в большей степени <...> производящий индивидуум выступает несамостоятельным, принадлежащим более обширному целому» [1, с. 710].

Марксово представление о социальном агенте каменного века в XX столетии было детализировано благодаря исследованиям антропологов и этнографов. В итоге сегодня мы с высокой степенью уверенности можем повторить вслед за Марселем Моссом, что на заре человечества основными субъектами хозяйственной деятельности выступали отнюдь «не индивиды, а коллективы; участвующие в договоре являются юридическими лицами: это кланы, племена, семьи, которые встречаются и сталкиваются друг с другом группами либо непосредственно, либо через посредничество своих вождей, либо обоими способами одновременно» [37, с. 88—89]. Принимая во внимание, что смитовский образ «экономического человека», вероятно, мог только отдаленно походить на действительный портрет протоегиптянина, выражавшего в своих действиях не столько собственные интересы, сколько интересы своей группы, несложно понять, что основанный на самоорганизации механизм разделения труда в условиях неолитического Египта лишился бы своей энергии — индивидуализма и эгоизма независимых хозяйственных агентов — и попросту не смог бы работать.

Адекватное представление о механизме социально-профессиональной дифференциации в обществе протоегиптян может проистекать из понимания двух обстоятельств.

Во-первых, кажется весьма сомнительным, чтобы в обществе протоегиптян система разделения труда могла поддерживаться механизмом распределения жизненных благ, описанным Смитом. Безусловно, механизм доставки ресурсов жизнеобеспечения до хозяйственного агента, вовлеченного в процесс разделения труда, должен был существовать и в те далекие времена. Ведь тогда — как, впрочем, и сегодня — носитель узкой экономической функции не располагал возможностью самостоятельно обеспечить себя всем комплексом жизненных средств, поскольку специализировался на производстве лишь одного из них. Но едва ли способы распределения жизненных ресурсов у протоегиптян были связаны с бартером или представляли собой какую-либо иную разновидность «рыночных» транзакций.

Сделать такое предположение несложно, если принять во внимание специфику основного «ресурса — посредника», который был способен обеспечить жизнедеятельность хозяйственных агентов каменного века, — еды. Дело в том, что практически во всех исследованных культурах, предшествующих цивилизации, на торговлю пищей накладывался запрет. В большинстве примитивных обществ еда имела сакральное значение, а ее передача являлась символическим средством выражения дружелюбия, а иногда подчинения, и оттого не рассматривалась в качестве средства платежа.

Например, согласно Гиффорду, в исследованных им племенах помо обмену или продаже подлежали только изделия ручного ремесла, но никак не пища. Она могла преподноситься лишь в дар, передаваться родственникам или даже чужакам как знак добрых намерений и благожелательности [39, р. 287—390]. Аналогичные наблюдения фиксировали Альфред Крёбер, исследовавший культуру индейцев Калифорнии [40], Филипп Драккер, изучивший быт и обычаи племени толова-тутутни [41, р. 221—300], Хортенс Поудермейкер, описавший культуру племени лезу [42, р. 195], и многие другие. Обменные операции с едой не поощрялись даже в обществах с весьма сложной социальной структурой и развитой торговлей. Подтверждение этому мы можем найти у Роберта Спенсера, отмечавшего, в частности, что эскимосы Аляски, подобно менее развитым племенам лесов жаркого пояса, старались исключить пищу из торговли и даже в ходе торговых операций обменивались ею только как подарками для закрепления сделок [43, р. 204—205].

Применив метод научной реконструкции, несложно допустить, что общество протоегиптян, вероятнее всего, не было исключением из представительного списка первобытных обществ, где правил императив запрета на обменные операции с едой. Но если это так, то на вмещающем ландшафте будущего Древнего Египта дифференциация видов деятельности стала поддерживаться механизмом распределения еды, базирующимся на «нерыночных» основаниях. Такой альтернативный механизм мог быть основан на широком применении практик перераспределения, сформировавшихся в рамках института вожества. Маршалл Салинз называл их «редистрибуцией» и определял как «сбор с членов группы, часто идущий в одни руки, с последующим перераспределением в пределах той же группы» [44, р. 173]. Сбор этот производился родовой аристократией, располагавшей необходимыми для этого средствами социального контроля и аппаратом принуждения, а также легитимированными правами «распоряжаться трудом и сельскохозяйственной продукцией дворов в своих владениях» [44, р. 298].

Несложно понять, что в условиях запрета, наложенного на торговлю едой, централизованное перераспределение могло оказаться едва ли не единственным способом доставки жизненных благ до хозяйственных агентов, специализирующихся на выполнении узкой экономической функции в хозяйственной системе каменного века. Не случайно многие архаические куль-

туры, доросшие до вождества, создавали механизмы поддержания дифференциации видов хозяйственной деятельности, которые базировались на «нерыночных» принципах, и допускали широкое применение практик централизованного перераспределения жизненных благ. И если иметь в виду, что в эпоху неолита общество протоегиптян успело сформировать институт вождества, то кажется легко объяснимым, почему обитатели Реки в рассматриваемый период времени могли сделать выбор в пользу именно этого способа циркуляции ресурсов в экономике, именно такого средства поддержания в ней системы разделения труда.

Второе обстоятельство, важное для формирования адекватных представлений о механизме социально-профессиональной дифференциации в обществе протоегиптян, проистекает из понимания мотивов, которые были способны побудить хозяйственных агентов неолитического Нила включиться в систему разделения труда. Думается, что в реальности мотивы эти сильно отличались от того, как их описывал Смит. Основываясь на знаниях современной антропологии, можно предположить, что эти мотивы лежали скорее не в экономической, а в социальной плоскости.

Интересно заметить, что в большей степени общественную, нежели социальную природу носили даже наиболее «рыночные» из хозяйственных транзакций каменного века — обменные операции. Так, один из родоначальников экономической антропологии Карл Поланьи отмечал, что «ничто не могло быть менее убедительным для философа *Gemeinschaft*, нежели смитовское предположение о склонности к обмену, якобы присущей индивиду. Обмен <...> возник из потребностей разросшейся семьи, члены которой первоначально сообща пользовались вещами, которыми сообща и владели. Когда их численность возросла, и они были вынуждены поселиться порознь, то вдруг обнаружилось, что им не хватает каких-то вещей, которыми они ранее пользовались сообща и которые теперь приходится получать друг у друга. В результате они стали делиться друг с другом. Короче, взаимность такой помощи достигалась в форме бартера» [38, с. 43].

Мотивы действий хозяйственных агентов каменного века, не связанных с обменными операциями, как следует полагать, были еще более далеки от сферы рынка и оттого скорее были встроены в отношения не эквивалентной, а генерализованной реципрокности.

Это предположение хорошо вписывается в теоретические построения Карла Поланьи, который отмечал: «реципрокность как форма интеграции становится значительно более мощной в силу своей способности использовать перераспределение и обмен в качестве вспомогательных методов. Она может достигаться посредством распределения трудового бремени в соответствии с определенными правилами перераспределения. Аналогично реципрокность иногда достигается посредством обмена в установленных пропорциях, который выгоден партнеру, испытывающему необходимость в чем-либо <...>. В результате в рыночных экономиках две формы инте-

грации — реципрокность и перераспределение — работают вместе <...>» [45, с. 72].

Важно подчеркнуть, что утверждение о существовании основанной на редистрибуции генерализованной реципрокности имеет не только теоретические, но и эмпирические основания, что было засвидетельствовано антропологами и этнографами. Так, в ходе наблюдения за редистрибутивными практиками неолитических племен специалисты сделали вывод, что вожди, по общему правилу, имели не только права по отношению к участникам возглавляемой ими группы, но и обязанности. Получив в свое распоряжение пищевые ресурсы, вождь обычно распоряжался ими во благо всей группы, стремясь поддерживать достаточный уровень жизнеобеспечения ее членов. В свою очередь лица, передававшие вождю жизненные ресурсы, не требовали ничего взамен, напроць лишая такую транзакцию какого-либо «коммерческого» смысла и, следовательно, не противопоставляя ее существовавшим в первобытных племенах культурным императивам. Делая подношения, они лишь символически подтверждали легитимность института вождества и выражали свою готовность разыгрывать отведенные им социальные роли.

Если подобные практики имели место на берегах Реки, то они являлись проявлением своего рода реципрокного обмена, в ходе которого все его участники получали свое: вожди — знаки подтверждения своей власти и относительно постоянный состав группы, а участники группы — относительно стабильную обеспеченность жизненными благами и чувство сопричастности. В такой системе отношений редистрибуция переставала выполнять исключительно экономические функции и становилась важной составляющей в механизме социальной солидарности, способом ее выражения. Все это дает нам основания полагать, что основным мотивом, побуждавшим протоегиптян к участию в разделении труда, могло стать отнюдь не желание получить выгоду от торговли результатами своего труда, а скорее конформное стремление к добросовестному исполнению отведенных им социальных ролей, к выполнению порученной экономической функции.

Приведенные аргументы позволяют предпринять попытку воссоздания контуров механизма разделения труда на берегах неолитического Нила. Так, имеются основания полагать, что в основе этого процесса лежали отношения реципрокности, а поддерживался он практиками централизованного перераспределения жизненных средств. При этом редистрибутивные практики не только становились основой для разделения труда, но и способствовали росту структурной и функциональной дифференциации неолитического общества. Ведь, как отмечал Поланьи, «реципрокность обозначает перемещения между соответствующими точками в симметричных группах; перераспределение представляет собой акты «стягивания» товаров центром с их последующим перемещением из центра <...>. Следовательно, реципрокность предполагает наличие симметрично расположенных групп; перераспределение зависит от существования в группе определенной степени централизованности» [45, с. 69]. Принимая такую логику,

можно заключить, что «если некая группа вознамерится построить свои экономические отношения на реципрокной основе, [то] для достижения своих целей она должна будет разбиться на подгруппы, члены которых смогут идентифицировать друг друга в качестве таковых» [45, с. 71]. При этом «чем более тесны связи в рамках более крупной единицы, тем более разнообразны подгруппы, в которых может эффективно действовать система перераспределения» [45, с. 73].

Действие описанного Поланьи механизма структурно-функциональной дифференциации в условиях политической централизации, имманентно свойственной вождеству, вероятно, дополнялось силовым давлением протоегипетской аристократии. Вожди имели необходимые социальные ресурсы для того, чтобы «сделать для человека службу другому человеку сутью своего статуса (путем применения уже) не экономической, а политической власти» [38, с. 29]. Используя свои ресурсы, вожди ломали автономию домохозяйств в сфере собственности и тем самым ускоренно вовлекали их в процесс разделения труда. Доводы в пользу такого предположения содержатся в результатах антропологических исследований современных нам племен. Например, Салинз, сравнивая относительно «передовые» формы организации общественной жизни в Полинезии с относительно «отсталыми» формами социальной интеграции Меланезии, отмечал: «Более высокий потенциал полинезийских вождей в точности соответствует большему давлению, которое они способны осуществить на производство семейного хозяйства, одновременно увеличивая прибавочный продукт и направляя его на более широкое разделение труда, совместное строительство, масштабные церемониальные и военные акции. Полинезийские вожди были более эффективным инструментом общественного сотрудничества на экономическом, политическом, да на самом деле и на всех культурных фронтах» [44, р. 303].

Приведенные аргументы могут служить основой для понимания причин возникновения мобилизационного императива в хозяйственной культуре Древнего Египта, которое в своей основе отличается от виттфогелевского. Как мы могли видеть, в эпоху неолита вмещающий ландшафт будущей древнеегипетской цивилизации принял потоки мигрантов из окружающих регионов. Это привело к повышению демографической нагрузки на территорию и к резкому сокращению обеспеченности населения жизненными средствами. В силу исторических причин протоегиптяне не имели возможности осуществить прорыв в развитии производящих технологий и тем самым сократить дефицит ресурсов жизнеобеспечения. Дефицит мог быть преодолен только в результате создания системы разделения труда, базирующейся на централизованном перераспределении и поддерживающейся институтами вертикально интегрированного общества. Это позволило повысить уровень согласованности действий домохозяйств, производящих жизненные средства. Ведь координация могла бы «оказаться непростым делом при независимости управления отдельными стадиями произ-

водства» [46, с. 48]. При этом она становилась особенно важной в условиях социально-экономического кризиса, который «усиливает приверженность каждого домохозяйства своим собственным интересам и не стимулирует производство для других» [27, с. 95]. И оттого в условиях повышения демографической нагрузки на территорию и вызванного ею дефицита жизненных ресурсов можно было бы считать естественным отход протоегиптян от «мелкой анархичности домашних производственных групп» и их выбор в пользу «более мощных сил и более крупных организаций, институтов социально-экономического характера, которые связывают один дом с другим и подчиняют все их общему интересу» [27, с. 97].

Несложно понять, что повышение производительности труда, обеспеченное ростом централизации политической власти нильской аристократии, с неизбежностью должно было сопровождаться процессом вертикальной дифференциации общества протоегиптян, увеличением социальной дистанции между представителями различных социальных страт, возникновением практик принуждения к труду. Завершенной формой воплощения этой тенденции на берегах Нила стала мобилизационная экономика, основанная на обязательном участии людей в периодически сменяющихся друг друга видах сезонных работ и приводящаяся в движение не эгоизмом независимого хозяйственного агента, а его установками на исполнение служебного долга, подкрепленными силой идеологического и административного давления.

Вероятно, не следует думать, что неолитические племена поймы и дельты Нила сознательно выбрали для себя подобный путь развития. Можно лишь отчасти согласиться с мнением, согласно которому «среди разнообразия локальных ландшафтно-экологических ниш позднеледниковой долины Главного Нила бродячие или полуседлые группы ее населения <...> располагали “выбором” множества вариантов <...> жизнеобеспечения» [47]. Наш анализ показывает, что племена эти были все же весьма ограничены в своих стратегических решениях, которые во многом предопределялись характером климатических, биосферных и демографических процессов, протекавших на берегах Нила, а также на окружающих его территориях Северной Африки в XVIII — VI тысячелетиях до н. э. Находясь под прессом демографической нагрузки на территорию и оказавшись перед лицом социального катаклизма, протоегиптяне в ходе неолитической революции нашли едва ли не единственно возможный выход из социально-экономического кризиса. Они создали новый тип социальной солидарности, основанный на императиве исполнения служебного долга, предполагавший перераспределение ответственности за принятие хозяйственных решений от домохозяйств в пользу менеджеральной аристократии и требовавший широкого распространения практик обязательного участия в общественных работах всех слоев населения.

Эта социальная инновация имела решающее значение для будущего Древнего Египта, так как обеспечила создание структурных, культурных и институциональных

условий для роста эффективности хозяйства протоегиптян, обеспечив ускоренное разделение труда, существенное повышение его интенсивности и производительности. Важно учитывать также, что принятие императивов мобилизационной экономики помогло населению берегов Реки решить не только текущие задачи выживания. В дополнение египтяне получили важные стратегические преимущества в конкурентной борьбе с окружающими их племенами. Ведь построение прочной материальной базы для устойчивого социального воспроизводства и институциональное закрепление практик социальной иерархии позволили им первыми на Ближнем Востоке создать централизованное государство и на протяжении многих столетий демонстрировать свое культурное и политическое доминирование в регионе.

Список литературы

1. Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов). // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 12.
2. Wittfogel K.A. Oriental despotism: a comparative study of total power. — New Haven; London: Yale University Press, 1957.
3. Хрестоматия по истории Древнего Мира / под ред. В.В. Струве. — Т. 1: Древний Восток. Введение. — М.: Учпедгиз, 1950.
4. Sayer D. Medieval waterways and hydraulic economics: monasteries, towns and the East Anglian fen // World Archaeology. — 2009. — Vol. 41, № 1.
5. Price D.H. The evolution of irrigation in Egypt's Fayoum Oasis: state, village and conveyance loss: Ph.D. University of Florida. — 1993.
6. Kang B.W. Large-scale reservoir construction and political centralization: a case study from ancient Korea // Journal of Anthropological Research. — 2006. — Vol. 62, № 2.
7. Davies M. Wittfogel's dilemma: heterarchy and ethnographic approaches to irrigation management in Eastern Africa and Mesopotamia // World Archaeology. — 2009. — Vol. 41, № 1.
8. Stride S., Rondelli B., Mantellini S. Canals versus horses: political power in the oasis of Samarkand // World Archaeology. — 2009. — Vol. 41, № 1.
9. Lees S.H. Irrigation and society // Journal of Archaeological Research. — 1994. — Vol. 2, № 4.
10. Butzer K.W. Pleistocene History of the Nile Valley in Egypt and Lower Nubia // The Sahara and the Nile: Quaternary Environments and Prehistoric Occupation in Northern Africa / M. A. J. Williams, H. Faure (eds.). — Rotterdam: Balkema, 1980.
11. Stanley D.J., Warne A.G. Nile Delta: Recent Geological Evolution and Human Impact // Science. — 1993. — Vol. 260, № 5108.
12. Connor R.D., Marks A.E. The Terminal Pleistocene on the Nile: The Final Nilotic Adjustment // The End of the Paleolithic in the Old World / L.G. Straus (ed.). — Oxford: British Archaeological Reports, 1986.
13. Wendorf F.A., Schild R., Haas, H. A New Radiocarbon Chronology for Prehistoric Sites in Nubia // Journal of Field Archaeology. — 1979. — № 6.
14. Прусаков Д.Б. О причине «позднего» перехода к неолиту. // История и современность. — 2005. — № 2.
15. Rhotert H. Libysche Felsbilder. — Darmstadt: Wittich, 1952.
16. Pachur H.-J. Tethering Stones as Palaeoenvironmental Indicators // Sahara. — 1991. — № 4.
17. Banks K.M. Climates, Cultures, and Cattle / Department of Anthropology. Institute for the Study of Earth and Man, Southern Methodist University. — New Delhi, 1984.
18. Mori F. Tadrart Acacus. Arte rupestre e culture del Sahara preistorico. — Torino: Einaudi, 1965.
19. Nelson K. The Pottery of Nabta Playa: A Summary // Holocene Settlement of the Egyptian Sahara. F.A. Wendorf, R. Schild, (eds.). — New York: Kluwer Academic Plenum Publishers, 2001. — Vol. 1.
20. Wendorf F.A. The Prehistory of Nubia. — Dallas: Fort Burgwin Research Center and Southern Methodist University Press, 2001. — Vol. 2.
21. The Prehistory of Nubia Wendorf F. A. (ed.). — Dallas: Fort Burgwin Research Center and Southern Methodist University Press, 1968. — Vol. 2.
22. Midant-Reynes B. The Prehistory of Egypt: From the First Egyptians to the First Pharaohs. — Oxford: Blackwell Publishers, 2000.
23. Williams M.A.J. Age of Alluvial Clays in the Western Gezira, Republic of the Sudan // Nature. 1966. — Vol. 211.
24. Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства: проблема первичных и вторичных очагов. — М.: Наука, 1989.
25. Lubel D. Late Pleistocene — Early Holocene Maghreb // Encyclopedia of Prehistory // N. Peregrine, M. Ember (eds.). — New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2001. — Vol. 1.
26. Hassan F.A., Holmes D. L. The Archaeology of the Umm el-Dabadiid Area, Kharga Oasis, Egypt. — Cairo: Geological Survey of Egypt, 1985.
27. Салинз М. Экономика каменного века. — М., 1999.
28. Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. — М.: Наука, 1990.
29. Rizkana I., Seeher J. Maadi II: The Lithic Industries of the Predynastic Settlement. — Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1988.
30. Late Quaternary Depositional History of the Blue and White Nile Rivers in Central Sudan // The Sahara and the Nile: Quaternary Environments and Prehistoric Occupation in Northern Africa // M.A.J. Williams, H. Faure (eds.). — Rotterdam: Balkema, 1980.
31. Arkel A.J., Ucko P.J. Reviews of Predynastic Development in the Nile Valley // Current Anthropology. — 1965. — № 6.
32. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. — М.: Социум, 2012.
33. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. — М.: Наука, 1996.
34. Коротаев А.В. Математическое моделирование Мир-Системы: демография, экономика, культура. — 2-е изд. — М.: КомКнига/URSS, 2007.
35. Murdock G.P. Africa: Its peoples and their culture history. — New York: McGraw-Hill, 1959.
36. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Соцэкгиз, 1962.
37. Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. — М.: Вост. лит., 1996.
38. Поланьи К. Аристотель открывает экономику // Истоки: экономика в контексте истории и культуры. Вып. 5 / гл. ред. Я.И. Кузьмина; зам. гл. ред. В.С. Автономова; ред. О.И. Ананьина и др. — М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2004.
39. Gifford E.W. Clear Lake Pomo Society // University of California Publications. American Archaeology and Ethnology. — 1926.
40. Kroeber A.L. Handbook of the Indians of California / Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology. — Washington: U.S. Government Printing Office, 1925.

41. *Drucker Ph.* The Tolowa and their Southwest Oregon Kin. Ber Keley (Calif): University of California Press, 1937.
42. *Powdermaker H.* Life in Lesu. — N.Y.: Norton, 1933.
43. *Spencer R.* The North Alaskan Eskimo: A Study in Ecology and Society. — Washington: U. S. Government Printing Office, 1959.
44. *Sahlins M.* Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief; Political Types in Melanesia and Polynesia // *Comparative Studies in Society and History*. — 1963. — Vol. 5, N 3.
45. *Поланы К.* Экономика как институционально оформленный процесс // *Экономическая социология*. — 2002. — Т. 3. — № 2.
46. *Уильямсон О.* Вертикальная организация производства: соображения по поводу неудач рынка // *Теория фирмы* / под ред. В.М. Гальперина. — СПб.: Экономическая школа, 1995.
47. *Прусаков Д.Б., Большаков А.О.* Рец. на кн.: Т.А. Шеркова *Рождение Ока Хора: Египет на пути к раннему государству*. М.: Праксис, 2004 // *Вестник древней истории*. — 2006. — № 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cesras-belova.narod.ru/part8.html>

УДК 94(55)
ББК 63.3 (5)(5Ирп)

Е.В. ДУНАЕВА

РОССИЯ И ИРАН: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

История культурного взаимодействия России и Ирана насчитывает несколько веков. Однако в настоящее время уровень культурно-гуманитарного сотрудничества значительно отстает от уровня развития политических отношений и в определенной степени сдерживает дальнейшее развитие контактов двух стран. Несмотря на то, что целый ряд факторов сближает народы России и Ирана и оба государства прилагают усилия для развития культурного диалога, исторически сформировавшиеся предрассудки, политические обстоятельства и идеологические подходы ограничивают межкультурное взаимодействие.

Ключевые слова: российско-иранские отношения, взаимовлияние культур, исламская революция, евразийство, культурное представительство ИРИ в Москве, диалог «Православие — Ислам», Туркманчайский договор, информационные каналы.

В условиях формирования нового глобального миропорядка возрастает роль межкультурного взаимодействия, которое способствует достижению взаимопонимания между народами и государствами, сближению их позиций и созданию новой модели отношений, основанной на доверии. В мире возросло понимание того, что использование культурного потенциала во внешней политике укрепляет фундамент для развития сотрудничества и реализации своих интересов, так как упрочение взаимопонимания и сглаживание противоречий невозможно без формирования позитивного образа страны за рубежом, которое осуществляется преимущественно по культурным каналам. Можно говорить и о том, что любые контакты между представителями разных народов и государств: дипломатические, политические, информационные, торговые, научные, гуманитарные, а также контакты на личностном уровне выступают как формы межкультурной коммуникации. Глобализация расширяет границы и области взаимодействия, то есть придает большой динамизм межкультурной коммуникации.

Уровень межкультурной коммуникации определяется процессами, происходящими в области культурного обмена. История многовековых отношений России и Ирана

знает периоды достаточно активного культурного взаимодействия. Этап соприкосновения (некоторые культурологи называют его «нулевым этапом») культур двух народов был пройден много столетий назад, когда было положено начало развитию торговых и политических связей. В результате отдельных контактов представителей Киевской Руси и государств, расположенных на территории современного Ирана, — наследников древней и высоко развитой цивилизации, начиналось первое знакомство с культурой друг друга. Установление постоянных дипломатических отношений между Московским и Сефевидским государствами в 1552—1553 годах и начавшийся процесс сближения территорий двух государств в результате войн и мирных соглашений, приведший к формированию в XIX веке протяженной общей границы, и последовавшее проникновение русских в Иран значительно расширили области взаимодействия культур. Так, в России было положено начало преподаванию персидского и турецкого языков.

Повышенный интерес российского общества к восточным странам, воспринявшимися как экзотические, привел к развитию коллекционирования произведений искусства народов Востока. В конце XVIII века русские читатели